

ДЕНЬГИ И ЦЕННОСТИ: ОПЫТ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ИСС(РАС)СЛЕДОВАНИЯ

СВЕТЛАНА
МИХАЙЛОВНА
БЕЛЯКОВА

ДЕНЬГИ И ЦЕННОСТИ ГЛАЗАМИ ЛИНГВИСТА (ДИПТИХ)

Две статьи посвящены исследованию различных фрагментов русской ценностной картины мира. В первой из них рассмотрен феномен денег, отраженный в лексико-фразеологической системе языка. Проблематика второй статьи вытекает из представления о времени как об одной из базовых ценностей человека и общества. В связи с этим автором предлагается типология темпоральной аксиологии.

Статья первая (аверс) ДЕНЬГИ: ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Деньги, деньги, всюду деньги,
Всюду деньги, господа...

Из песни

Значение феномена денег в современной жизни трудно переоценить. Велика их роль и в нашей стране, особенно она возросла в последние 15-20 лет, когда на смену квазиденьгам и ограниченному числу операций с ними пришло то, что принято называть рыночными отношениями. Впрочем, во все времена деньги выступают «не только в их рациональной ипостаси, но и в широком диапазоне модальностей человеческого поведения» [Верховин 1997: 115]. Язык немедленно отреагировал на изменение ситуации и активизацией целого ряда лексем, и значительным пополнением соответствующего лексико-фразеологического поля. Эти процессы нашли красноречивое отражение в «Толковом словаре русского языка XX в.» под редакцией Г. Н. Складчиковской, материалы которого частично использованы в данной статье.

Поле «деньги» имеет в русском языке обширную и разветвленную структуру. Значительный ресурс его пополнения находится за пределами литературного языка — в просторечии и социолектах. Лингвисты традиционно обращают внимание на жаргонные обозначения денег, весьма популярные в нашем обществе в силу их экспрессивности и особой «прагматической нагруженности» (см., например: [Костомаров 1999; Химик 2000; Томашевская 2003]).

Деньги и ценности: опыт филологического ис(рас)следования

Основной ЛСГ данного поля можно считать наименования различных купюр и монет или денег в целом. При этом названия денежных знаков других стран (особенно США) в силу известных обстоятельств весьма частотны в современной русской речи, они имеют источником жаргонный субстандарт и образуют ряды экспрессивных синонимов (*баксы, баки, грины, зеленые, зелень, зеленые рубли, зеленый друг, капуста* и проч.). Из других названий отметим интернациональное наименование *евро*, а также *тугрики* (денежная единица Монголии и одновременно сленговое обозначение денег вообще). Лексемы, обозначающие свои и чужие денежные знаки, часто обыгрываются в речи, отражая ироническое отношение к денотату. Например: субстантивы *рваный, деревянный* (о рубле, а зачастую — и в обобщающем значении, то есть о российских деньгах), *хохлобаксы, зайчики*. Ср. также каламбур *зряплата* вместо *зарплата* и шутку: *И в Америке наши доллары ходят!* Заслуживает внимания и обозначение *мани-мани*, которое можно рассматривать, с одной стороны, как реминисценцию известной песни группы «АББА» (англ. *money*), а с другой — как образование, связанное с русским глаголом *манить*.

В последние годы произошло расширение данной группы за счет наименований крупных российских купюр (*тысяча, штука, кусок, стольник, пятихатка, лимон*), а также валюты стран СНГ (*гривны, литы, латы* и проч.). При этом практически вышли из употребления лексемы *рубчик, трешка, пятерка, чирик*, а слово *полтинник* уже давно обозначает не 50 копеек, а 50 рублей, что красноречиво отражает инфляционный процесс.

Второй важной ЛСГ поля является наименование операций с деньгами. Основные действия, производимые с деньгами, можно описать при помощи оппозиции «получать — отдавать», или, по Ю. Д. Апресяну, «начинать иметь — переставать иметь». Однако каждый член оппозиции реализуется в более частных значениях.

Как видим, частные значения также образуют бинарные оппозиции, демонстрируя почти полную симметрию, столь редкую в языке. Исключением можно считать видовую пару *заработать / зарабатывать*, где глаголу совершенного вида соответствуют как глагол *истратить (потратить)*, так и сочетание *оплатить работу*, относимые к разным субъектам. Глаголу несовершенного вида соответствуют — *тратить* и *платить зарплату*. Некоторая асимметрия, но другого рода отмечается и в парах, где глаголам противопоставлены сочетания, причем в ряде случаев нормативные (*давать в долг*), а в ряде случаев — искусственно сконструированные (*утрачивать вследствие кражи*). В последнем примере мы видим отсутствие лексикализации данного смысла в русском языке. В узусе он эксплицируется, как правило, в форме безличной конструкции — *у кого-либо украли*.

Названные операции являются базовыми, они — «на все времена». Каждая из них может быть предметом специального исследования (см., например, статью А. Г. Осиповой об отражении в языке ситуации купли — продажи). Новыми для нашей страны являются следующие действия с деньгами: *вложить, обналить*,

обезличить, обменять, конвертировать, «отмыть». Примечательно, что для их обозначения используются слова преимущественно исконно русского происхождения. Исключение составляют *конвертировать*, восходящее к латинскому корню, а также — *отмыть*. Последнее представляет собой кальку с англ. *laundering of money* и имеет значение «легализация незаконно полученных доходов путем инвестирования их в промышленность, отчисления на благотворительные цели и т. п.» [Толковый словарь 1998: 201].

Эти лексемы также подвергаются обыгрыванию и трансформациям в речи. Среди них отметим усечение: *безнал, нал* (есть еще *черный нал*); каламбуры: *отстирать* вместо *отмыть*, *конвертируемая валюта* — это деньги в конверте (как правило, в конверте означает «оплата, не проходящая по ведомости»).

Вошли в нашу речь и такие специальные термины, связанные с финансовой сферой, как *инфляция, индексация, деноминация, дефолт* и др. В отличие от операций с деньгами, производимых при необходимости любым человеком, данные процессы осуществляются государством или происходят «сами». В современном языке отмечается детерминологизация этих и подобных терминов.

Далее обратим внимание на развитие переносных значений словами анализируемого лексико-фразеологического поля. Согласно закону Х. Шпербера, сфера, являющаяся значимой для общественного сознания в определенный период времени, порождает соответствующее направление метафорического переноса. (Так, существуют «милитаристская», «театральная» метафоры и т. п.). Некоторые материалы для подтверждения этой закономерности дают и наименования денег, хотя такой тип переноса нельзя считать очень продуктивным. Отметим здесь такие примеры, как *копейка* — автомобиль «Жигули» первой модели, *тройак* — школьная оценка «три», «Пятерочка» — сеть продуктовых магазинов. Исследователи отмечают, что деньги в современных текстах часто персонифицируются, становятся активным

В. Глухов. ОДИН ШТУК 2 РУБЛА

субъектом. См. приводимый К. В. Томашевской пример: **Финансы агонизируют, что является прямым следствием неправильной политики.**

Устойчивые сравнения и поговорки являются важным средством выявления «культурной семантики» слов. Как правило, подобному обозначению подвержен смысл «большое количество денег», иногда с дополнительным семантическим компонентом — «не заработанные тяжелым трудом». (Попутно обратим внимание на то, что слово *деньги* — это существительное *pluralia tantum*). Таким образом, возникает тройной источник экспрессии: сам феномен денег, понятие «множество» и оценка степени сложности приобретения этой ценности. Многие устойчивые сравнения имеют пейоративное значение: *денег как грязи; денег как щепок; денег куры не клюют; длинный рубль; бешеные деньги; шальные деньги*. См. также поговорки: *Деньги — навоз, сегодня нет, а завтра воз* (ср. у Даля: *Деньги пух, только дунь на них — и нет*); *Деньги не пахнут*. Во фразеологии и афористике отражены противоположные значения: всемогущество денег (*Было бы здоровье, остальное купим*) и ограниченность их возможностей (*...за деньги не купишь; не в деньгах счастье*). Представления о недостаточном количестве денег или их полном отсутствии отражены в выражениях *ни гроша; ни копейки; финансы поют романсы*.

Знаменитая калька с английского *Время — деньги* (афоризм, приписываемый американскому президенту Б. Франклину) отражает понимание сверхценности времени как ограниченного ресурса человека. Это выражение характерно не только для американского, но и для современного русского языкового сознания. С. В. Дмитриук, опираясь на данные ассоциативных словарей, отметил четкую связь времени с деньгами. Эти данные свидетельствуют, что времени, как и денег, у русского человека, как правило, *нет, мало, в обрез, не хватает*. И время и деньги *тратят, теряют, отнимают, дают*; и то и другое обладает свойством *кончаться* [Дмитриук 1998]. «Уравнение» *время — деньги* обычно имеет прагматический смысл, это способ воздействия на собеседника, побуждение поторопиться. Ср. также остроумные дополнения этой поистине крылатой фразы: *Время, которое у нас есть, — это деньги, которых у нас нет; Время — деньги, целуй меня быстрее*.

Влиянию субстандартов (просторечия, жаргонов, аргос) подвергаются многие элементы данного смыслового поля. Например, *заработать / зарабатывать* (как правило, без особого труда) — *заколотить / заколачивать, срубить, нарубить (срубить капусты)*. (См. также кавээновскую шутку: *Роман о том, как Родя Раскольников нарубил бабок*.) Процесс зарабатывания денег сопоставляется со сравнительно нетрудными действиями.

Обильный урожай народной афористики связан с понятием «дать / взять в долг». Как правило, в ней выражается та простая мысль, что в долг лучше не давать. Ср.: *Хочешь потерять друга — дай ему в долг; Отдашь руками — возьмешь ногами; В копнах не сено, в долгу не деньги* (диал.). Интересно также высказывание: *Берешь чужие и на время, а отдаешь свои и насовсем*.

Такой «магический» феномен, открывающий доступ ко многим материальным и духовным ценностям, коим являются деньги, не может не подвергаться в обществе определенной сакрализации. (См., например, сказки о неразменном рубле.) Ее следы явственно читаются и в нашу эпоху. По-прежнему распространено гадание и метание жребия с помощью монеты, обычай бросать куда-либо мелкие деньги (чаще всего в водоем), чтобы вернуться в этот город или страну. Множество примет и обрядов связано с долгом и его возвращением (не давать в долг после захода солнца, не возвращать деньги «через порог», рассчитаться с долгами перед Новым годом и т. п.). Нарушение запретов грозит безденежьем.

Таким образом, сфера денег и все, что с ней связано, продолжает волновать современного человека. И это, разумеется, находит отражение в языке, особенно в «речи улицы». Обилие экспрессивных синонимов, шуток, каламбуров, явное

«травестирирование», карнавализация, снижение темы очевидны и для лингвистов, и для носителей языка. При этом вряд ли можно согласиться с мнением В. В. Химика, который находит здесь «эффект показного равнодушия, демонстративного презрения к деньгам и к легкости их добывания» [Химик 2000: 117]. Думается, что это очень русская черта, причем «современно-русская», если можно так выразиться. Ср. литературные и устаревшие выражения *презренный металл*, *желтый дьявол*, где наряду с пейоративным значением выражена определенная демонизация денег. Показательны также языковые факты, отражающие традиционную культуру, где в целом в системе практических ценностей деньгам отводится доминирующая роль [Верховин 1997], преобладает отнюдь не уничижительное к ним отношение. См., например, пословицы из словаря Даля: *После Бога — деньги первые; Что милей ста рублей? — Двести; Всего веселее свои денежки считать и под.* Ср., однако: *Добрый хозяин — господин деньгам, а плохой — слуга.* Впрочем, многие исследователи (Ю. С. Степанов, К. В. Томашевская, А. А. Шептун) считают «нестяжательство» устойчивым национальным стереотипом.

Факты современного русского языка (в том числе и языка, «на котором говорит и думает улица») красноречиво свидетельствуют об отношении к деньгам в общенациональной системе ценностей. Если кратко его выразить, то оно таково: при всей их значимости есть и «товар похлеще» (И. Бродский). И думается, что это вполне здравая позиция.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Верховин В. И. Деньги в русском фольклоре (опыт социологической интерпретации) // Вестник Московского университета. Сер. 18, Социология и политология. 1997. № 4. С. 113-128.
- Дмитрюк С. В. Образ времени в сознании носителей русской и английской культур // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 208-212.
- Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
- Осипова А. Г. Ситуация купли — продажи как объект оценки в русской языковой картине мира // Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. СПб., 2003. С. 141-147.
- Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г. Н. Складневской. СПб., 1998.
- Томашевская К. В. Экономический мир человека в русской лексике // КЛИО. Журнал для ученых. 2003. № 2 (21). С. 155-159.
- Химик В. В. Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
- Шептун А. А. Философия денег // Вопросы философии. 1999. № 7. С. 180-183.

Статья вторая (реверс)

ТЕМПОРАЛЬНАЯ АКСИОЛОГИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ (на материале тюменских говоров)

Как верно здравый смысл народа
Значенье слов определил...

Ф. И. Тютчев

Оценочность (аксиологичность) — важное свойство языка, проявляющееся во многих коммуникативных актах, в особенности в устной, ситуативно актуализированной (Ю. С. Маслов) речи. «Объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера — добра и зла, пользы и вреда и т. п.,

Деньги и ценности: опыт филологического ис(рас)следования

и это вторичное членение, обусловленное социально, весьма сложным образом отражено в языковых структурах» [Вольф 2002: 5]. Это свойство языка привлекает внимание многих лингвистов. См. работы Е. М. Вольф (2002), Н. Д. Арутюновой (1988), С. М. Толстой (1997), Н. К. Рябцевой (1997), В. Н. Телия (1996) и др., где подчеркивается важность «ценностной картины мира», ее тесная связь с человеческой деятельностью. Любая деятельность имеет свою мотивацию, во многом обусловленную ценностной ориентацией, «этической рефлексией» индивида. Вслед за В. Н. Телия под оценкой понимаем «суждение о ценности обозначаемого в целом или отдельного его свойства» [Телия 1996].

Представления о феномене времени человека и общества в целом порождают свою аксиологию. Каждая личность осознает ограниченность и невозполнимость отпущенного ей «временного ресурса», приобретающего тем самым особую ценность. По мнению С. М. Толстой, «подобно пространству, время наделяется семантикой, сакрализуется и включается в систему ценностей, главными координатами которой являются жизнь и смерть» [Толстая 1997: 65]. Вероятно, следует говорить о более общих аксиологических константах — понятиях добра и зла. В их поле вписываются и координаты жизни и смерти. Аксиологичность временных координат напрямую связана со спецификой картины мира. Как пишет Н. К. Рябцева, «в основе нормативной темпоральной картины мира лежат представления о **наполненности** времени, его **необратимости** и о **контролируемости** поступков субъектом. Она воплощает отношение общества к тому, как заполняется и расходуется время, к своевременности и уместности происходящего, указывает, какие изменения в мире должны / могут происходить, и фиксирует **отклонения** от темпоральной нормы» [Рябцева 1997: 83].

Эти представления еще более актуальны для традиционной народной культуры, где норма имеет значительно более императивный характер и в плане отношения человека к природе, и — еще больше — в плане взаимодействия личностей внутри социума. С темпоральными номинациями коррелируют как общеоценочные, так и частнооценочные значения, выделяемые Н. Д. Арутюновой, что подробно будет описано ниже. Темпоральная аксиология рассматривается нами на материале современных диалектов — русских старожильческих говоров юга Тюменской области. Языковые факты извлечены из записей, произведенных автором статьи, а также из картотеки и текстотеки, имеющих на кафедре общего языкознания ТюмГУ. Период фиксации говоров охватывает 50–90 гг. XX в.

Г. Барилкин. АЗТОПОРТРЕТ. ТЮМЕНЬ ДО СЪИДАНИЯ

Как нам представляется, можно выделить несколько видов аксиологии времени, формирующих соответствующие типы темпорального поведения человека в условиях сельской культуры. Это аксиология бытовая, природная, возрастная, сакральная и гетеротемпоральная (оппозитивная). При этом бытовая и возрастная аксиология носит рекомендательный характер, это именно **нормы**, которые могут быть более или менее жесткими и контролируются главным образом общественным мнением. Сакральная аксиология построена на запретах / предписаниях (разрешениях), природная также тяготеет к запретительной (используется модальность обязательности). «Нарушение запретов грозит, по народным верованиям, разного рода несчастьями, прежде всего — неблагополучными родами и неблагополучием домашней скотины и приплода» [Толстая 1997: 72]. В языковом плане запреты и предписания реализуются в определенных синтаксических конструкциях (обобщенно-личные предложения, конструкции-директивы с предикативными наречиями *надо* — *нельзя* и др.).

Рассмотрим каждый из видов темпоральной аксиологии. Бытовая аксиология связана с трудовой деятельностью, главным образом с домашней работой. Имеется корреляция с суточными, недельными и годовыми циклами. Положительно оценивается деятельность в утренние часы, а начало работы, особенно требующей значительных временных затрат, в вечерние часы — зачастую отрицательно (см., например, употребление общерусского фразеологизма *на ночь глядя*). См. следующие примеры: *Мама говорила: ранняя пташка зоб набивает, а поздняя — шары продирает* (Мед. Гол.); *Она заботлива, раным-рано станет и еду сготовит и все пришьет* (Грн. Завод.); *Седне, кума, я стирку сдумала на ночь глядя* (Н.-Заим. Завод.). Положительную оценку содержат, как правило, лексемы *ранний*, *раным-рано*, а словоформа *с утра*, напротив, чаще употребляется в контекстах с отрицательной семантикой (ругаться или напиться с утра и тому подобное). (Заметим, что совершение определенных действий в утренние часы может приобретать в народном сознании сакральный характер. См., например: *Больно ранний ты гость, добрые-то люди спозаранок не ходят* («Тихий Дон»). Характеристика «работать ночами» в оценочном плане может быть амбивалентной, однако чаще содержит слабую негативную оценку, например: *Ночами пахали, не знали ни дня ни ночи. Спали когда придется, надо еще погулять было* (Ситн. Омут.). Аксиологично понятие «дорожить / не дорожить временем», актуальное для русской культуры в целом (как, вероятно, и для многих других культур): *Он тожо как баба, россусолистой, часам (часами) сидит и кого-то россужат* (Дев. Н.-Тавд.); *Бездельник и есть ростабаристой, он времем-то не дорожит* (Н.-Т. Н.-Тавд.). Отрицательно оценивается медленное выполнение работы и сам человек, работающий подобным образом, для этого в имеющемся материале используется прием противопоставления (с употреблением наречия *давно* или сочетания *давно бы*): *Все уж люди-те давно на покосе, а он ишшо дома, шаперистой дак* (Ант. Н.-Тавд.); *Че ты валандася с одной луковисой, я бы уж давно его весь обрезала* (Ант. Н.-Тавд.); *Сидишь, варакашь, дочь-та бы давно написала* (Ант. Н.-Тавд.); *Поче ты непоспешалой такой, поче все у те тихо робитса?* (Ер. Н.-Тавд.); *Долго че-то ты кулупася с кроснам-то, надо оттыкаться уж* (заканчивать ткать) (Дев. Н.-Тавд.). Как видно из представленного материала, бытовая аксиология связана прежде всего с общеоценочными значениями (хорошо — плохо, или одобрение — неодобрение), а также с некоторыми частнооценочными (этическими и утилитарными). Объектом оценки служит, как правило, другой человек, а не сам говорящий. Оценка может выражаться различными элементами языка. В нашем материале данные значения реализуются как в хрононимах (словах с темпоральным значением) и квазихрононимах (лексемах, в которых временная сема является периферийной), так и в вы-

Деньги и ценности: опыт филологического ис(рас)следования

сказываниях в целом, что отмечается чаще. Справедлива мысль Е. М. Вольф, что «высказывания воспринимаются как оценочные и при отсутствии оценочных слов, если описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в «картине мира» [Вольф 2002: 7]. См. также замечание У. Вайнрайха, что показатели оценки, характеризующие все предложение в целом, представлены в языках в большем объеме, чем оценочные показатели отдельных членов предложения [Вайнрайх 1970].

Природная аксиология находится в соответствии с суточными и годовыми циклами и связана с сельскохозяйственной трудовой деятельностью, как уже говорилось, она близка к запретительной. См.: *Коси, коса, пока роса, роса долой — и мы домой* (Ус. Слад.); *Только ночью пары перепахивали, днем нельзя: жарко, овод большой* (Мед. Гол.); *Поздо кто выезжает на поле — сама ленива соха поехала* (Кул. Тюм.); *Ране шибко запрешшалося не в срок чигать шишки, нехто не покастили* (Тр. Уват.); *Кедрач-от берегчи надо и раньше время не шишкарничать, не шишкарить, вырашшывать кедру-ту* (Тр. Уват.); *После Троицы заготовливали венники. Когда не вовремя сделаешь виник, раз попаришься и облетат* (Дегт. Юрг.). На запретительный характер непосредственно указывает соответствующий глагол, а также глагольные инфинитивы, предикативные наречия *нельзя* и *надо*, наречия *не в срок*, *не вовремя* и сочетание *никто не...*. Природная аксиология связана с частнооценочными утилитарными и нормативными значениями.

Возрастная аксиология строится главным образом на представлениях об уместности / неуместности каких-либо действий человека в определенном возрасте. Например: *Старику-ту под шийсят, а он розмолодистой* (молодящийся), *в шляпе да в шчиблетах* (Анд. Н.-Тавд.). Также часто подчеркивается, что некоторые (положительные или отрицательные) черты характера человека присущи ему смолоду. Для указания на положительные качества используются лексемы и сочетания *смолоду*, *с детства*, *с малых лет*, *с юных лет*, *с пеленок*. Например: *Оне с малых лет к земле припадали* (Мед. Гол.); *Я работать с детства начала, все работы знаю* (Дегт. Юрг.); *Он с юных лет сурьезной, строгой к себе* (К.-Яр. Уват.); *С пеленок начал плотничать* (Шип. Юрг.). При обозначении негативных качеств чаще употребляется наречие *сроду*: *Работник он хорошей, терезовой всегда, а пустобрешливой, сроду болтат чепуху* (Анд. Н.-Тавд.); *В ково он уродился такой рострепаистой* (неряшливый), *одежа сроду в грязе* (Дев. Н.-Тавд.). Соответствие / несоответствие поведения с возрастом подчеркивается и при помощи указания на зрелый или преклонный возраст: *в годах*, *до седых волос* и т. п.: *Так и остался до седых волос холостяющшой — не на одну не поглядел* (Анд. Н.-Тавд.). Можно отметить также наличие особых глаголов с общим значением — «прекратить какую-либо деятельность в связи с преклонным возрастом»: *отбелковать* (перестать охотиться на белок), *отбаскониться* (перестать баскониться, то есть наряжаться, модничать). Например: *Отбелковал он, худо стали ноги ходить, а ране-то белковал* (Мс. Н.-Тавд.); *В молодосте она наряжалася шибко — платье не платье, а топереча отбасконилася, старуха стала* (Чер. Н.-Тавд.). Данный тип аксиологии создает частнооценочные этические и нормативные значения.

Сакральная аксиология имеет свою систему ценностей. Можно согласиться с С. М. Толстой, что главными координатами являются жизнь и смерть, однако это верно лишь в общем плане. Наш материал дает более частные «точки» ее приложения. К ним относятся работа, праздник, гадания, предсказания (например, погоды), свадьба, болезнь и некоторые другие. См., например, следующие контексты: *Понедельник — тяжелый день, вторник — родительский, а в остальные — сади* (Мед. Гол.); *Воду нельзя ночью тревожить* (Дегт. Юрг.); *Полено ночью выбираешь: если растреснуто — муж грубый будет* (описание гадания) (Дегт. Юрг.); *Пусть на крест записку привяжет, трои сутки надо носить* (чтобы выздороветь) (Трош.

Юрг.); *Сварьбу играли четыре дни и боле* (К.-Яр. Уват.); *Вышла взамуж, и свекровка ей говорит: В воскресенье не дай Бог постираться. (...) Я не стирывалась в воскресенье* (Мед. Гол.); *К Пасхе надо обихаживать в доме все* (Пол. Берд.); *В праздники баню-то не топят* (Боб. Исет.); *В первый день Паски ниче нельзя стряпать* (Трош. Юрг.). Сакрализация событий, действий тесно связана с определенными временными точками. «Одно и то же действие может быть успешным, благоприятным или неудачным и опасным в зависимости от того, в какое время оно совершается» [Толстая 1997: 66]. Директивы (запреты / предписания) реализуются на лексическом уровне (лексемы и сочетания *надо, нельзя, не дай Бог*) и синтаксическом (обобщенно-личные предложения, побудительная модальность). Важным в связи с этим представляется замечание Н. И. Коноваловой, что «слову *нельзя* в народном сознании соответствует понятие *грешно*, выступающее... в качестве семантического эквивалента-табу» [Коновалова 2003: 45]. Данный тип аксиологии порождает частнооценочные нормативные значения. К сакральной аксиологии в наибольшей степени относится одно из положений теории оценки Е. М. Вольф: «В мире оценок действует не истинность относительно объективного мира, а истинность относительно концептуального мира участников акта коммуникации» [Вольф 2002: 203].

Следующий вид аксиологии назван нами гетеротемпоральным, или оппозитивным. Это противопоставление (эксплицитное или имплицитное) двух временных пластов, зачастую — двух жизненных укладов. Он реализуется в конструкциях типа *раньше — теперь (те годы — эти годы)* и под. Один из членов оппозиции может быть опущен в высказывании, однако он легко восстанавливается. Например: *Ране робетишек взбучивали, а топерь дунуть боятся* (Ер. Н.-Тавд.); *Женихи нонче никудышны, все повывелись* (Первом. Тоб.); *Нонешни девки косматчивы: волоса-те дыбом стоят, как у хороших ростреп* (Л.-Слн. Уват.); *Теперь бесстужой народ, не почитают старых* (Кам. Тюм.). Гетеротемпоральная аксиология создает общеоценочные значения, при этом, как правило (но не всегда), прошлое оценивается положительно, а настоящее — отрицательно, хотя эти оценки относительны.

Таким образом, различные типы временной аксиологии порождают различное темпоральное поведение человека. Как пишет Н. К. Рябцева, «оценке подлежат времяпрепровождение, соблюдение социального порядка, соответствие поведения ситуации и возрасту, случившегося — ожидаемому, адекватность реакции на происходящие изменения и контроль над ними» [Рябцева 1997: 83]. Добавим к этому соответствие определенной деятельности суточным и природным ритмам, а также сакральным периодам «благоприятного» и «неблагоприятного» времени.

Оценочные значения в языке связаны с нормами бытия и поведения человека и могут быть квалифицированы как ценностная картина мира, специфическая для данного этноязыкового коллектива.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Пол. Берд. — Половинное Бердюжского р-на
 Мед. Гол. — Медведево Голышмановского р-на
 Грн. Завод., Н.-Заим. Завод. — Горюново, Новая Заимка Заводоуковского р-на
 Боб. Исет. — Бобылево Исетского р-на
 Н.-Т. Н.-Тавд., Дев. Н.-Тавд., Анд. Н.-Тавд., Ант. Н.-Тавд., Ер. Н.-Тавд., Мс. Н.-Тавд., Чер. Н.-Тавд. — Нижняя Тавда, Девятково, Андрюшино, Антропово, Еремино, Мияссы, Черепаново Нижнетавдинского р-на
 Ситн. Омут. — Ситниково Омутинского р-на
 Ус. Слад. — Усово Сладковского р-на

Первом. Тоб. — Первомайское Тобольского р-на
Кам. Тюм., Кул. Тюм. — Каменка, Кулаково Тюменского р-на
Тр. Уват., К.-Яр Уват., Л.-Слн. Уват. — Трухино, Красный Яр, Луговос-
линкина Уватского р-на
Дегт. Юрг., Трош. Юрг., Шип. Юрг. — Дегтярево, Трошево, Шипаково
Юргинского р-на

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
- Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1970. С. 163-249.
- Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. 2-е изд. М., 2002.
- Коновалова Н. И. Лингвокогнитивное исследование русских народных примет // Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. С. 43-46.
- Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997. С. 78-95.
- Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Толстая С. М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история. Славянский мир. М., 1997. С. 62-79.

НАДЕЖДА
ВАСИЛЬЕВНА
РАЗУМКОВА

НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ ДЕНЕГ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Данная статья посвящена изучению модели взаимоотношений ЧЕЛОВЕК — ДЕНЬГИ — СУДЬБА на материале пословиц, народной прозы, заговорных текстов. Выявлен набор житейских и теоретических взглядов народа на природу и сущность ДЕНЕГ в русской языковой культуре.

Неотъемлемая часть современной цивилизации, ДЕНЬГИ — категория многоплановая. Они являются не только экономической, но и социально-нравственной силой, чреватой непредсказуемой «эмоциональной интенцией, по меньшей мере, неадекватной характеру своего экономического приложения» [Богданов 1995: 7]. ДЕНЬГИ как экономическая сущность регулируют отношение человека к успешности и осмысленности собственной жизни. Будучи категорией этики, ДЕНЬГИ имеют мировоззренческий характер. В любом случае, ДЕНЬГИ представляют собой безусловную жизненную ценность. Стремление к обладанию ДЕНЬГАМИ как основой благополучия, счастья — один из главных побудительных мотивов поступков человека.

Предлагаемая статья является попыткой анализа представлений русского народа о ДЕНЬГАХ на следующих уровнях: собственно языковом, фольклорном, ритуально-мифологическом.

Для осуществления поставленной задачи в качестве материала были использованы словари пословиц [Даль 2000; Мудрое слово Древней Руси 1989], в основу которых положен тематический принцип классификации. Мы выбрали по-